

Ольга Новикова

ГУРУ И ЗОМБИ

*Голос женщин, освободившейся
от капризного и деспотичного мужского контроля.*

Габриэлла Иппости, профессор
Болонского университета

Ольга Новикова

Гуру и зомби

«Центрполиграф»

2009

Новикова О. И.

Гуру и зомби / О. И. Новикова — «Центрполиграф», 2009

Властитель дум, тел и душ великолепный Нестор умеет пользоваться и наслаждаться этой быстротекущей жизнью. Восторженные обожатели жадной толпой обступают кумира, за место рядом с ним идет жестокая бесчеловечная борьба. За блистательным Нестором всегда маячит невыразительная женщина – его послушная тень. Кромешно черная, рабски преданная, она готова поглотить и его самого...

© Новикова О. И., 2009

© Центрполиграф, 2009

Содержание

1	5
2	8
3	12
4	16
5	20
6	21
7	24
8	26
9	28
10	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ольга Новикова

Гуру и зомби

1

В Москве бывает одиноче, чем в поле без конца и края. В зимнем поле, припорошенном снегом. На замерзшей терке пашни – без иллюзий: бездельная поземка не поможет сдвинуться с места, не подтолкнет в спину. Куда идти? Надейся только на себя.

Мегаполис в графитовое время суток, когда умирает очередной день, вроде бы так и кишит людьми. Но мы друг для друга не реальнее Летучего голландца, которого, по легенде, видят заблудившиеся моряки. Скорее слабый зимний дождь начнет перешептываться с чисто вымытым окном и проситься в гости, чем мы вспомним о тех, кому без нас – плохо.

О том или той...

Ну а с незнакомыми... На «скажите, пожалуйста, где тут...» хмуримся – и мимо, не замедлив шага. Может, плечом чиркнем – вот и весь контакт. Даже если на Малой Дмитровке растерянно спрашивают, как попасть на улицу Чехова. Некогда нам остановиться, обдумать и хотя бы сфокусировать старое и новое названия одной и той же улицы. Тем более обогнем, не притормаживая, того неопрятного старика, что беспомощно осел у темного зева подворотни.

Подумаешь, вонючий бомж.

Кто бы ни был, но человек же.

Старика зовут Вадим. Отчество редко кто добавлял. Разве что в официальных инстанциях – в поликлинике, в паспортном столе... Прописывая в комнату к молодой жене, с издевкой обозвали гражданином Васильчиковым Вадимом Константиновичем.

Да еще его вежливо и чуть брезгливо именовала по полной форме теща, совсем не вредная. При первой – надо же, не забытой им – встрече, с намеком покашливая, дернула дочь за рукав: «Вера! Кх-кх... Да Вадим Константинович старше даже меня выглядит!» В голосе – и стыдная грязнотца, и женское кокетство. Дотерпела бы, пока зять куда-нибудь отлучится, – в коммуналке-то негде уединиться. Провинциальная импульсивность сработала. Слышным ему шепотом запричитала: «Пусть хоть бороду сбреет свою седую! Стыдно кому сказать! Вдруг у нас в городе узнают... Ради кого ты сына бросила... Бедный Герочка... как он без матери-то?»

Вадим тогда невиновато и необидчиво улыбнулся. Им с Верой, отчаянным новобрачным, было все равно. Богема. Возрастная дистанция в четверть века их нисколько не напрягала.

Вадим Васильчиков – акварелист, пишущий «по-мокрому», когда уверенные мазки кистью должны дать краске растечься по бумаге, оставляя пустое пространство листа. Техника не допускает переделок, и если работа не получилась с одного раза, то – на выброс. Мир в каждый раз, в каждое мгновение заново творится. Ни заранее продуманных композиций, ни предварительных эскизов.

Художник кое-где и кое-кем был признан гением.

И Вера – как начала писать гуашью на втором курсе искусствоведческого, так не оторвать. Акварель, акрил, масло – все освоила.

Гера? Нормально живет уже больше десяти лет с заботливым и хозяйственным отцом. Да с ним мальчику даже лучше, чем с фанатичной и безалаберной Верой...

Но это все в прошлом. Прошло. Закончилось.

Веру старик не удержал. Что ж, живая женщина... Теперь она в Нольдебурге. С Вадимовой княжеской фамилией и с тамошним новым мужем-помощником. И по жизни, и по искусству.

Недавно навестили они в Москве бывшего родственника. В самом начале зимы. Белизна снега еще не разбавила, не подсветила серый уличный фон. Сыра привезли. Сегодня, когда вытащил из холодильника одинокую, как он сам, жестянку с чем-то охряного цвета, обнаружил за ней бело-желтый кусок в глубоких морщинах. Застрял в алюминиевой решетке. Понюхал, откусил и не заметил, как с голодухи все съел. Теперь что-то подташнивает.

Остаться на диване? Сумерки вот-вот... Может, получится заснуть... Надвинул веки на глаза, но мысли же так просто не занавесишь. Старость учит рачительно распределять еду, время... Хуже нет – проснуться среди ночи. В полной темноте так и жжет: зачем жил?

Нет, сейчас лучше не спать. Да и дела есть. Вдруг завтра еще больше поплохее? Если встать не смогу...

Вадим кропотливо выпростал правую ступню из-под ватного одеяла, ни во что не одетого (нет постельного белья – нет лишней проблемы). Опустил скрюченную конечность на пол и, бормотанием заглушая неную боль в суставах, вынул себя с лежбища, потом из комнаты, потом из квартиры...

Ноги двигались сами собой, и голова пока работала: сухари кончились, на свежую буханку без скидки, положенной пенсионерам, вряд ли хватит. Может, где и завалялась неучтенная рублевая заначка, но ведь карту, «социальную карту москвича», все равно надо восстанавливать. Потерял... Герочка бы, конечно, помог – принес бы и еды, и денег, и в собес с ним сподручнее... Но он к Вере улетел и вернется... Когда? Где-то было записано...

Старческие мышцы часто подчиняются инстинктам, не успев согласовать свои сокращения с мнением головного мозга. Непроизвольно пукают пожилые люди, мочатся, движение стопорят, замирая посреди дороги...

Вадим останавливается, и тут же кто-то, молодой, торопливый, подталкивает его. Несильно задел. Когда такое случилось впервые, он обозлился – поковылял за невоспитанной девицей, прокричал ей вслед – не помнит что. А она даже не оглянулась. С тех пор поумнел. Сердишься – значит, еще пожить хочешь. А ему уже вроде все равно.

Все равно...

Зачем тогда в непогоду потащился? В постели сподручнее ждать смерти. Но нет же. Смирившийся мозг еще не продвинул, не продавил свое решение, не довел его до мышц. Тело жить хочет.

Толкнули, но не уронили – и слава богу. Надо отойти в сторонку. Вон – арка в длинном доме...

Вадим ступает из света в тень, раздвигает на груди полы широкого зимнего пальто, подпоясанного ремнем (чтобы не поддувало).левой рукой – как будто сам себе делает операцию на сердце – забирается во внутренний карман пиджака, тоже великоватого. Все, что на нем, теща привезла после смерти своего солидного мужа. Дерматинный, старомодный чемодан со старомодной верхней и нижней одеждой с чужого плеча... Хорошие еще вещи, ноские.

Нащупывает бумажку, но доставать не торопится – ладонь без какой-либо команды из головного мозга припадает к задергавшейся мышце, а живот вдруг так скручивает, что он не успевает даже наклониться – вытащивает его прямо на добротный ратин. Но в угасающем сознании уже нет места для досады. Зато память, как вышколенный дворецкий, заботливо подает Вадиму на прощальный ужин цветную вкусную картину. В жанре фламандского натюр-морта...

Солнце, добравшись до зенита, расщедрилось и залило ярким светом их коммунальную комнату. Удача. Не единственная. Сперва прибыли к ним краски. Воспользовавшись связями, теща добыла у себя в провинции дефицитные тюбики с разноцветным маслом и коробку с сорока восемью конфетками акварели. Вчера поездом переслала их дочери, расположив к себе

незнакомую проводницу. Умаслила не столько премиальной шоколадкой, сколько соучастным разговором на деревенские темы. Вера утром съездила на вокзал, вернулась нагруженная.

Пир.

Полутораспальный диван разложен, на нем – толстая чертежная доска из хорошо просушенного дуба и стул. Самодельный помост для полноватой ню, стесняющейся своей наготы. Новая натурщица. И они с Верой, каждый у своего мольберта. Напряжение, необходимое, чтобы схватить силуэт модели и закрепить его на холсте и бумаге, уже прошло. Мазок, другой – кожа на груди почти готовой фигуры начинает светиться, а когда тонкая колонковая кисть с киноварью касается вишенного соска...

От острого воспоминания каждая жилка задрожала, и тело Вадима, прикопненное экстазом, оседает на скользкий тротуар.

2

За невысоким, бесформенным стариканом Нестор наблюдает издалека. Сам он без какой-либо цели идет по Малой Дмитровке из храма Рождества Пресвятой Богородицы в Путинках в сторону Садового кольца. Специально пару раз в месяц отпускает шофера и отправляется по делам на своих двоих, при необходимости ускоряясь только общественным транспортом.

Чтобы не потерять ориентацию в московском пространстве.

Чтобы сохранить автономность. Нисколько не раздражался, когда вдруг самому пришлось пришить пуговицу, поджарить бифштекс, выстирать трусы-носки...

Чтобы уловить неожиданное.

Человек в летах – единственный из толпы, кто идет медленно, распробывая вкус каждого шага. Возможность двигаться в старости – спасение, как кусок хлеба в голодный год. Этим он и обратил на себя внимание. Торопливые же люди похожи друг на друга. Спешка нивелирует самобытность.

Любопытный гомо сапиенс. Все запланированное на сегодня сделано, почему бы не понаблюдать...

Как не уверенный в своей машине водитель держится крайнего правого ряда, так и этот странник, не полагающийся на свою физическую оболочку, идет рядом с домами. Стен не касается, но словно подпитывается их стойкостью.

Со спины чувствуется человек из другого измерения – не сиюминутного, бытового, а философского. Таких презирают гламурщики. Но бывает, что такими старцами интересуются красивые женщины. Не просто привлекательные, а умные и в чем-то талантливые.

Никаких суетливых, ненужных желаний не приобрел незнакомец за длинную жизнь?

Потянуло проверить, заглянуть ему в глаза: наверняка в этом зеркале не увидишь мелочного беспокойства, пустяковых проблем, которые нам регулярно поставляются нашим собственным горизонтальным сознанием.

Увлечшись процессом наблюдения, Нестор ступает на мостовую, чтобы перебраться на противоположный тротуар. Хорошо хоть, что срабатывает защитный автоматизм: голова поворачивается налево, тело само шарается с проезжей части и не напарывается на несущийся куда-то черный джип. Но сознание так быстро не переключить. Перед глазами, как въяве, обливается кровью собственная стопа, раздробленная шипованными шинами, которым наплевать на гололед. Сколько-то времени понадобилось, чтобы вытащить эту фантомную занозу.

Пока Нестор долетел до перехода, охраняющего бесстыжие машины от застенчивых пешеходов, пока дождался зеленого светового человечка, разрешающего идти туда, куда надо, старик пропал.

Охотник пробегает вперед целый квартал – нет дичи.

Ускользнула?

Вряд ли... Наверное, в своей настырной спешке просто обогнал старика.

Назад Нестор возвращается медленно, глядя под ноги. У первой же арки и обнаруживает объект своего наблюдения. Старик сидит в позе Будды, привалившись к стене. И добротный сталинский дом удерживает его от падения.

– Вам плохо? – громко спрашивает Нестор, наклонившись к уху, из которого торчит кустик черных волос.

Никакого ответа. В нос ударяет безобразно-кислый запах рвоты, застрявшей в неухоженной бороде.

Всего-навсего обыкновенный пьянчужка? Не может быть. На всякий случай Нестор принохивается, не несет ли от бедняги алкоголем. Конечно, ни молекулы!

Не простым пьяницей он заинтересовался. Понравилось, что не обманулся.

Нестор разгибает спину, поднимается на ноги. Смотрит вокруг. Даже из любопытства никто не остановился.

Тогда он снова приседает и подбирает тяжелую, безвольную руку. Остывающую, но не окоченевшую. Мизинец бедняги, попав в извержения желудка, испачкался, а в остальном – это крепкая пятерня без изъянов. Длинные ровные пальцы, ни мозолей, ни утолщенных подагрой суставов. Только старческая гречка кое-где посыпала тыльную сторону неширокой ладони.

Есть ли пульс?

Жилка под синей, вытаращенной веной не подает признаков жизни.

Нестор отгибает испачканную полу и опускает руку на чистое колено... мертвеца?

Не поднимаясь с корточек, взглянул на небо – хмурое, словно накрытое грязноватым пуховым одеялом из ночлежки. Что оно может посоветовать... Думай сам.

Прежде всего – как у меня со временем?

Нестор оголяет левое запястье. Пусто. А-а, часы отдал Леле. Прилипчивая подружка однажды стала гладить его пальцы, разлегшиеся на черной ленте эскалаторных поручней. Лицом к ней стоял. Стекло выпало, когда он отдернул левую руку, сердито буркнув: «Не люблю прилюдных нежностей!» Скатилось оно в оттопыренный карман старой куртки, но не разбилось. Барышня от испуга забыла обидеться и сама вызвалась отдать в ремонт его брегет.

Есть же другой счетчик минут...

Вынув из брючного кармана мобильник, Нестор оживляет экран. Шестнадцать сорок. Леля ждет звонка. Обещал повидаться. В ответ на слезу в ее голосе. Но что ему-то сулит еще одно свидание? Вряд ли она удивит чем-нибудь... Нет, не сообразит придумать новое. Не понимают милые наши дамы, что их пылкость быстро приедается. Лет пять сумела рядом с ним держаться... Пора, пожалуй, начинать отходной маневр. Тем более что муж есть. Сдам на его руки.

А вот этого, как будто уже ставшего знакомым старикана жаль отдавать в руки государства. Равнодушные руки... Тем более сейчас, в сочельник. Праздничный раж подошел к апогею. Словно на крутой горке разгоняются люди от католического Рождества к православному, не упустив и светское, советское первое января. Неистово празднуют, не обращая внимания на религиозные оттенки. Экуменизм. Хотя вообще-то идея неплохая.

Столько лет народ учили, что бога нет. Бога с маленькой буквы. Делай что хочешь: жри, пей, сношайся без всяких заповедей и постов. И жили – не тужили. Только когда затужит кто – муж-кормилец от жены уйдет, ребенок у матери неизлечимо заболеет, – от отчаяния поворачивались к вере...

Православие теперь восстановили в правах, но оно оказалось пожестче коммунистического кодекса. Буквально. Начать с того, что в здешней церкви надо стоять на ногах. А экуменизм позволяет хотя бы присесть на католически-протестантскую скамью.

Но Нестор сообразил – взболтал духовный коктейль собственного изобретения. К христианству без границ добавил восточной самоуглубленности. Говоря языком простых людей – сосредоточенности на собственном пупке. «Бог один», – услышит человек, и самому захочется попробовать духовного напитка... Их пьянит.

А сейчас-то что делать? Чем декабрьско-январская вакханалия обернется для ничейного, беспризорного тела? Продержат сколько-то в холодильнике, потом засунут в полиэтилен и закопают в общей яме.

Наскоро шепча молитвенную формулу по поводу усопшего, Нестор небрежливо обследует внешние карманы его пальто. Может, найдется какая зацепка за его близких.

Пыльные катышки, хлебные крошки, не успевшие просыпаться в дырки... Подкладочная ткань не порвалась, а износилась. Зато внутренний пиджачный карман цел и в нем – мятая чет-

вертушка тетрадного листа с красными полями. На разлинованной бумаге расплылась какая-то чернильная запись.

Нестор встал, потопал затекшими ногами, чтобы оживить ток своей крови, потом не спеша надел очки. Сосредоточившись, разобрал, что какой-то Гера возвращается шестого января. Сегодня. И номер телефона. Тут же набрал его на своем мобильнике.

– Гера будет позже. Кто его спрашивает? – отозвался мужской баритон. Не слишком учтиво. Напуган звонком чужака? Или повседневно невежлив? Да нет, вроде бы не из простых... Те говорят отрывисто, односложно. – Нет его! – и бряк трубку.

Не разобравшись, сразу убивают возможную связь. Хотя редко кто теперь добавляет: «Что передать? Чем могу помочь?» Плавная, длящаяся речь – это течение, которое может увлечь и незнакомца. И даже противника. Разговаривать надо.

Бестолково пообъяснялись. Нестор все-таки сумел вычислить, что он вмешался в ситуацию между двумя бывшими мужьями какой-то Веры. Первый, Алексей, отец Геры, ответил ему по телефону, второй, Вадим, – тут, на тротуаре.

Условились, что Алексей позвонит похоронщикам и сам сразу приедет. Пока Нестор дожидался сменщика, чтобы сдать дежурство у тела, вспомнил своих Вер.

Верой назвала одноклассница-искусствоведка двадцать три года тому назад их общую дочь...

Началось все с того, что на третьем курсе он был приглашен на день рождения. Обыкновенная, если не считать роскошной черной гривы, именинница и гораздо более эффектная мамаша. Чтобы по-хлестаковски подклеиться к маменьке, Нестор погусарил: потребовал водки, лихо налил себе полный фужер из зеленого хрусталя с вензелем и залпом его выпил. Увы, хозяйки разбирались только в винах. Сорокаградусное пойло оказалось паленым. Неудивительно: следов мужчины не просматривалось ни в ванной комнате, ни в спальне. Не с кем посоветоваться, что покупать, и продегустировать перед подачей на стол некому.

Пригласив даму на танец, кавалер внезапно занедужил.

И не вспомнить, успел ли он проверить на упругость немолодую выдающуюся грудь перед тем, как его вырвало на многоцветный ковровый орнамент.

Через неделю примерно: «Мама зовет посмотреть, что ты сделал с нашим персом». Ковер-то у них знатный оказался, настоящий персидский. Пришел, виноватый. Но старшая хозяйка была в дипломатической командировке...

В общем, Нестор пожил там до окончания универа. Гражданская теща старательно маскировала свое великолепие: жара или холод, днем в столовой или ночью возле уборной – она в брюках и в чем-то под горло. Стеснила Нестора этим. В трусах при ней не походишь. Одно из многочисленных неудобств. Но ни разу не нудила насчет официального оформления непростых отношений. Видела, что дочь рубит сук не по себе. Но очень обрадовалась, что внучка будет. «Вам, Нестор, лучше сейчас исчезнуть, – безобидно посоветовала она перед родами. – Девочек я беру на себя». Он внял.

Регулярно посылал им деньги. Максимально – больше, чем мог. На третий год перевод вернулся обратно. Уехали, не известив. Мстили?

Окольными путями удалось узнать, что бабушка вышла замуж за американца и они все улетели за океан. Не с Интерполом же их разыскивать. Да и женский выбор он всегда уважал.

Но была же еще одна Вера. Верка... Без году ровесница. Тоже из прошлой, но, оказывается, не забытой советской жизни.

Русоволосая девица пришла на практику к ним, в научный отдел Манежа, и осталась на несколько лет. Не знающая пока про свою красоту, очень живая... Водила все знатные иностранные экскурсии. Чаушеску с супругой, американский госсекретарь, немецкий канцлер...

Выставочный зал в самом центре, возле Кремля – витрина советского искусства, а Верка – Вергилий в этом почти крошечном аду. По-английски – свободно, на любой вопрос – без запинки. А чтобы как надо отвечала, ее загнали в партию. Но она и не сопротивлялась. «Я – художник, – говорила, когда вместе распивали чай. – Можно все, что угодно, использовать, чтобы заявить о себе». Цинизм молодости.

Прошел он у нее?

В разговоре с ней же забрезжила мысль о возможности иметь свою паству. Не лучше ли собрать всех женщин вместе, чем вдохновлять их поодиночке?

Шли вдвоем по Никитскому бульвару. Она, возбужденная ночной встречей, тараторила о своих картинах. Любопытно было. Обычно женщины после первой близости начинают исповедоваться про прежних партнеров. Этим очищаются. Вроде как восстанавливают невинность. Веруя, что ты – их единственный. А Вера ни слова про мужа-сына. Только про искусство. Прервал. И самого понесло. Увлекла мысль о фундаментальной разделенности жизненного времени. О его дискретности.

Сумбурные мысли наматывались друг на друга. Если я что-то понимаю сейчас, это не причина того, что я пойму что-то в следующий момент времени. Парадокс. У нас есть глаза и желание видеть, но этого недостаточно, чтобы мы увидели и поняли, поскольку результат не вытекает из того, что мы хотим этого сейчас. Мы должны принять постулат, что мир в каждый раз, в каждое мгновение заново творится. И единственный способ, каким можно соединить разрозненные моменты, – это нанизать их на духовную вертикаль...

Художник рисовал, рисовал, а где паузы, когда он ел-пил, ходил в туалет, сексом занимался? Найти бы форму, которая даст возможность художнику все время быть художником. Не отлучаться ни на мгновение.

Она нашла ее?

Вопросы в никуда... Задал и забыл. Но мнемосферу потревожили. Отозвалась... Ответом от Веры.

3

Прилетела.

Упитанный «боинг» приземлился в Шереметьеве не в семь пятнадцать, а ровно в семь. На четверть часа раньше расписания. Попутный вечерний ветер. Казалось бы – бонус.

Вера убеждала себя, что теперь-то можно не торопиться. Нужно. Это же удовольствие – медленно идти по круговой прозрачной галерее... Не в толпе... Слева за стеклом – забетонированное поле, зовущее в путешествие, справа – то пустующие, то полные накопители, собирающие пассажиров перед посадкой.

Удовольствие...

А шаг сам собой убыстрится. Густав отстал. Ничего, тут одна дорога – муж не заблудится. На верхней ступеньке широкой лестницы, ниспадающей к залу паспортного контроля, Вера стала высматривать-вычислять, какая змейка короче и тоньше... Глупо. Как угадаешь, не подвалит ли к стоящей перед тобой спине бесцеремонная толпа путешествующих вместе сослуживцев...

И снова повезло. Очередь подтаивала так быстро, что Густаву пришлось подтолкнуть жену к окошку, только-только она успела оглядеться и встретиться с парой-тройкой внимательных глаз.

Незнакомых?

Да откуда тут взяться знакомцам...

Вместо того чтобы сосредоточиться и припомнить, где она встречалась с одним из направленных на нее взглядов, Верина мысль упорхнула в неэмпирические, вроде бы бесполезные дали. Непредсказуемая мысль художника...

Что значит – знать? Даже она сама не так уж разбирается в своем внутреннем устройстве. Часто, очень часто не может себе объяснить, почему сказала или сделала то, а не это. Непонятность лишает спокойствия, раздражает, как «хор.» в зачетке отличницы.

И когда у мольберта стоит, тоже не знает. Пишет, чтобы узнать...

Но по внешности может ее кто-то опознать? Вряд ли... Почти два года не была в России. За меньший срок забывают человека. Даже того, кого когда-то страшно, самозабвенно любили...

А то, что посматривают... Ну, заметили ее найковскую бейсболку. Кто там, в малиновом кепоне... то есть берете. Для того и надеваем. Головной убор летом – самый простой способ не слиться с массой никому не знакомых людей. Зачем выделяться? Чтобы подзаправиться чужой энергией. Всякий взгляд – питание.

Сложнее, когда толпа состоит в основном из знакомцев. В арт-тусовке надежнее действует элегантность. Она организует все пространство вокруг. Силовые линии постороннего внимания, направленного на тебя, как бы поднимают над полом. Взмываешь. Но тогда приходится заботиться о весе. Тушу от земли не оторвать...

Смотрят... Может, кто-нибудь из женщин заметил ее почти девичью худобу, за которую она борется каждодневно, начиная с первого курса истфака... Четверть века ведет сражение, а победа никак не закрепляется. Чутко расслабишься, и наутро весы обязательно испортят настроение.

– Снимите головной убор! – отрывает от размышлений приказ суровой тети-моти.

Одета в защитного цвета рубашку, пуговички еле-еле удерживают набухающую опару ее телес. На мужской вкус – очень даже аппетитно, а на женский – фу, противно...

– Цель приезда? – полоснула контролерша военным взглядом по открытому теперь лицу Веры.

От меня защищают мою же страну, блин!

Мелькнуло негодование и пропало, не успев повысить градус обычного дорожного напряжения. Рутинный вопрос вроде бы перестал вызывать у Веры какие-либо чувства. Домой я прилетела, домой! – хотелось возмущенно выкрикнуть только в первые разы, когда паспорт с немецким гражданством еще не ощущался как бронезилет, который защищает основные органы ее... черт, как это по-русски? Органы ее личности. Уязвимых мест все равно остается предостаточно.

– У меня персональная выставка в галерее «Ривендж», – прозвучало и хвастливо, и надменно. – Приходите, приглашаю, – суетливо добавляет Вера, растянув в улыбке тонкие губы.

Получилось заискивающе. Робеет советский человек перед властью. Бывший советский перед любой властью.

Вера чертыхается про себя, когда багажная змейка никак не хочет вытащить из аэропортового чрева тугой рулон с десятью полотнами, развеской которых придется заниматься всю ночь.

Прилетели раньше, но выигрыш во времени оборачивается дополнительной нервозностью. Герки возле табло, естественно, нет. Хотя теплится: а вдруг? Вдруг он подумал о попутном ветре, предусмотрел досрочное приземление и приехал пораньше? Нелогичная надежда – сын в пик пунктуальному отцу давно сделался развездяем. Еще до того, как родители развелись.

Но чем больше времени Вера не виделась с сыном, тем сильнее реальный Георгий с его хмурой молчаливостью и вспышками гнева преображался в ее сознании: понурые плечи расправлялись, лицо светлело, а сам он становился добрым, внимательным рыцарем, в заботе о матери обретающим и свое счастье.

Как легко изменять мир человеку с воображением!

Но ведь ничего тут несбыточного нет. Вот Густав посвятил ей свою жизнь – и ничуть же не жалеет...

– Вера... Вы – Вера, – слышит она из-за спины.

Знакомый вроде бы голос. Не спрашивает, а вслух рассуждает. Обернулась. Мгновенно охватила фигуру.

Высокий мужчина в серых фланелевых брюках и глухо застегнутом сером пиджаке-кителе. Похожие носят католические священники и офицеры высших рангов. Небольшая сумка из хорошей, мягкой кожи с длинным ремнем ничуть не оттягивает плечо, не портит выправку. Пропорциональное тело. Стоит спокойно. Сильная мужская харизма... Похож на статую Давида, только бородатого, похудевшего и заматеревшего.

– Нестик! Господи, Нестик! – Вера кидается на шею опознанному приятелю. – Узнал! Значит, я не изменилась! – Обнимает, ощутив под пальцами напрягшиеся мускулы предплечья и притягивающий запах свежести. – Как ты тут очутился? Где живешь? Чем занимаешься? У меня завтра выставка открывается. Придешь?

Вопросы набегает один на другой. Как волны, смывающие друг друга.

Нестор сразу улавливает, что Веру совсем не занимает типичная женская заморочка насчет «постарела – не постарела». Понятно, что она обрадовалась встрече, ухватила за возможность отвлечься от дорожной нервозности, от неприкаянности первых минут на новом месте... Но какой она стала? Получится ли с ней контакт?

– Веду занятия по духовному совершенствованию... – Многообразием в конце фразы Нестор прошупывает собеседницу. И привлекает, конечно. Незаконченность – она всегда притягивает. – Курс начинается послезавтра...

– Ой! Как интересно! А кто к тебе приходит? Как народ собираешь?

Нестор не успевает ответить – Вера уже отвернулась от него и лобызает высокого сутуловатого парня лет двадцати, точно так же засыпая его вопросами.

– Мам, я попал в пробку, – отстраняется он сердито. – Авария. Байкер на «харлее» подрезал синий «форд». Смылся, конечно. А двухдверная «букашка» шарахнулась от него. Естественно, впечаталась в автобус. – Отрывистые, короткие фразы, как нервные мазки, рисуют подробную и четкую картину. Хотя говорится, чтобы освободиться от испуга. Чужая трагедия притягивает и ужасает. – В мой автобус. Сбоку. За рулем разбитой машины – женщина... От удара ее голова мотнулась и пробила боковое окно... Рот открыт, глаза распахнуты. Ноль движения... После скрежета – полная тишина. Вдруг бряк – заколка выпала на асфальт. Серебристый лев... И волосы... Длинные, белые... рассыпались... Как живые...

Парень воспроизвел то, что описывал. Жестами. Непроизвольно. Так потрянул головой, что с волос, стянутых в хвост, слетела аптекарская резинка.

«Форд», лев, блондинка... Нестор где-то на периферии сознания отмечает знакомые детали. Тропинка, обозначенная ими, отчетливо ведет к... Леля? Погибла Леля? Но ум его давно и настойчиво отучен от мысленного достраивания вероятных несчастий.

Да и Вера тут же отвлекает:

– Господи, Герочка, выкинь ты из головы этот кошмар! Лучше познакомься. Мой старый друг Нестор... Нестик, как тебя по отчеству? Да ладно, давай по-европейски, без этих причиндалов. Сынуля мой, Георгий. Победоносец. Экономист. Будущий. – Она снова приобнимает юношу, который насупился и уставился вниз, на свои ботинки. – Ты институт-то, надеюсь, не бросил?

Последний вопрос явно риторический. В материнской голове не нашлось бы места такой неприятности. Да и все остальное – вопросы, советы – она роняет так просто, для разговора. Художник слишком много времени проводит, одушевляя безмолвие бумаги, картона, холста. Услышать другого, вступить в диалог – это умение нужно поддерживать, развивать, а без должного ухода оно вянет и исчезает.

Нестор протягивает руку парнишке, сжимает его пальцы и не отпускает до тех пор, пока вялая ладошка не встрепенулась и карий взгляд не вырвался из угрюмости. Когда глаза посмотрели в глаза – только это называется встречей, знакомством.

– Приходите ко мне... – Из грудного кармана кителя Нестор несуетливо достает пару афишек, извещающих о его выступлениях, и, протягивая одну сыну, другую – матери, уже чувствует, знает: Георгий придет. Не спугнул юношу.

Это умение – не просить, по-булгаковски никогда ничего ни у кого не просить, а лишь информировать, поджидая или даже собственными руками создавая подходящий момент, – очень пригодились Нестору в новой жизни. Собственно, благодаря ему он и нащупал теперешнюю свою стезю.

Сперва-то, как те редкие интеллигенты советского рождения, которым претило жаловаться на новые перестроечные времена с их усохшими зарплатами, он всего лишь озабочился приработком. Исходя из того, что нормальный мужик должен иметь средства на нормальную жизнь. (Тоталитарное постсоветское кредо.)

Искал и нашел факультатив в частном лицее. Сразу усек: если мало или вовсе нет желающих послушать о происхождении искусства – нет и денег. Сумел использовать родительские собрания в старших группах. Агитировал, завлекал...

Поработал и получил результат: молодые ухоженные мамы привозили великовозрастных сынков и дочек на его лекции и сами оставались в аудитории.

Мировая культура, мировые религии...

Появилась практическая цель – и он врубился в Хайдеггера, Делёза, Мамардашвили. Не читал урывками, а отвлекался от книг, только чтобы физиологически обеспечить функции мозга. Изучал философов с потребительским азартом даже в метро – и на эскалаторе, и стоя, если женщинам не хватало сидячих мест.

Несколько красавиц, скучающих в своих золотых клетках, объединились и предложили продолжить штудии уже не с детьми, а с ними. Сами арендовали заброшенную контору в Крылатском, отремонтировали и так обставили, что хотелось бывать там почаще и подольше. И ему, и им. Получилось что-то вроде аристократического прихода...

Нестора потянуло дать этой элитной массе опору, соединив изысканное образование и не всем доступную веру... Тайная светская религия. Без устаревших ритуалов. В любом месте и в любое время – контакт с высшей силой.

Нестор – всего лишь проводник.

– Могу подвезти, – предложил он Вере с мужем и сыном, заметив через прозрачную вертушку, как шофер, которого он держал на зарплате, вылезает на тротуар из черного джипа и, профессионально цепким взглядом окинув суетящихся вокруг пассажиров, пружинисто двигается к входу в аэропорт.

Пока троица пристраивает свои саквояжи, рулоны и тела на заднее сиденье, Нестор расслабленно вытягивает ноги, пристегнувшись ремнем на своем переднем. В сознании промелькнул перечень приятных и нужных дел, ради которых он прилетел из Парижа. Но какая-то неясность, как рытвина на ровной дороге, портит спокойную, гармоничную картину.

Блондинка в «букашке»... Дорожная трагедия что-то не выходит из головы.

– Ну-с, куда вам? – с лукаво-ласковой улыбкой (ширма для посторонних, то есть для всех) оборачивается он к своим пассажирам.

Завтра надо будет позвонить Леле, если сама не объявится. А пока... пока будем наслаждаться...

4

Леля... О ней думал и муж. В то же самое время.

Мысли Василия были заняты ею. Охапка белых пионов в руках – для нее. Цветы пришлось держать на отлете – с кончиков стеблей капало, сколько ни тряс.

Букет Василий купил на коротком пути от гаража к дому: в неожиданном месте, рядом с беспризорной клумбой заметил аккуратно причесанную седовласую даму. Напряженно переминается с ноги на ногу возле цинкового ведра с шапкой из белых, свежепроклюнувшихся бутонов.

Прах к праху, цветы к цветам...

Явно не ворованное продает.

Застенчивость молодит.

Разрозненные клочки мыслей, наблюдений наслаивались один на другой, покрывая незнамо откуда появившееся беспокойство.

Бывшая учительница или врачиха борется с пенсионерской нищетой.

В начале девяностых похожая на нее химичка, доктор наук, нанялась уборщицей к нему в офис. Никогда не опаздывает, работает в желтых резиновых перчатках и так чисто моет полы, что по утрам, особенно в дождь и слякоть, так и тянет снять следящие ботинки и в носках пробежать по коридору в свой кабинет.

И эта продает без обмана. Ни одного пиона-пенсионера, который по дороге из ведра в вазу терял бы свое оперение.

Купил всю тугую свежесть и получил вдобавок такую благодарную и незаискивающую улыбку...

Есть русская интеллигенция, есть...

Тротуар возле дома забит припаркованными машинами.

Нет синей Лелиной «букашки»...

Но это же ничего не значит. Ей тут просто не нашлось места. Наверное, поставила авто с другой стороны. Хочет постоянно видеть из окна мужнин подарок. Надо поторопиться с гаражным пристанищем...

Подъездная дверь открыта и приперта толстым томом. Голубой коленкор, стертое золото букв...

Василий наклоняется – потянуло разглядеть автора. На глаза налезает волосы. Светлые, но не прозрачные же.

Руки заняты портфелем и цветами. Тряхнул головой и, прежде чем прядь снова застила взор, успел прочитать: Алексей Константинович Толстой.

Чтобы купить по талону «Князя Серебряного», Вася, тогда восьмиклассник, сдавал двадцать килограммов макулатуры, а теперь самого князя Толстого в мусор отправляют... И дом ведь у них не простонародный, а кооперативный: в восемьдесят пятом в него въезжали не самые темные москвичи.

Пешком прошагал в свой «бельэтаж» – так они с Лелей прозвали вытянутый по жребии второй этаж. Элегантное слово помогало не комплексовать, а радоваться близости к земле, к палисаднику под окном, к прохожим, похожим на людей, а не на тараканов. С более престижной верхотуры все кажется черно-белым, и человеческие пропорции неразличимы.

Василий коленом толкает незапертую створку двери в общий холл. Оказавшись перед родной малиново-кожаной дверью, ленится лезть за ключами. Все пальцы заняты, выставился только мизинец. Вдавливает его в кнопку звонка. Молчание. Нажимает снова и вздрагивает, услышав, как к пронзительной трели присоединяется щебет домашнего телефона из недр их просторной квартиры.

Ни на одну мелодию никто не отзывается.

Где Лелька?

Куда подевалась?

Раз не предупредила, когда завтракали, и за весь день даже эсэмэски не скинула, то наверняка бросила на коврик записку. Нужно только поскорее достать ключи и открыть дверь, чтобы дикие мысли не успели червоточиной проесть сознание.

Черт, куда же связка задевалась!

Посеял?

Стоп, стоп!

Почему так паникую?

Так... Портфель на пол. Пионы к ногам. Выпрямился. Руки по швам, глаза прикрыты... Глубоко вдохнул и задержал выдох.

Несколько секунд ни о чем не думает – хватило, чтобы успокоиться. Прогнал ревнивое видение, в котором его Леля голышом прижимается к одетому, застегнутому на все пуговицы Нестору.

Ни разу не задал ей прямого вопроса...

Прошлой весной Леля в очередной раз обиделась на своего гуру. Страдала оттого, что Нестор давно не звонил. Дней десять молчал ее мобильник, купленный на следующий месяц после их знакомства. Бытовой аппарат словно превратился в капельницу, по которой каждую минуту в Лелину кровь поступал яд тишины.

Из гордости первой не звонила и так извела своим молчаливым страданием, что Василий предложил себя как бы в бодигарды – сопровождал жену на публичное камлание. Запер свои эмоции на замок и еще повесил табличку с заклинанием: ей будет хорошо, значит, и мне тоже.

Слушал Нестора, не слишком вникая, наблюдал. Сперва только за гуру, не за Лелей.

Ну, начитанный он человек...

Умный...

Не один же он такой...

Внимали солисту в основном женщины. Девяносто процентов зала мест на триста – разновозрастные, но не старые еще бабы. Парами, тройками и поодиночке пришли они на эзотерическую акцию. Пришли, чтобы заслониться от жесткой непредсказуемости жизни. Набор в группу начинающих.

С какого-то момента речь Нестора начала ввинчиваться в сознание.

– ...Многое в мироздании можно ухватить точно. Многое, но не все. Жизнь как такую – нельзя ухватить, никак не получится. Скажем, вы видите жизнь в точке «А», и, пока фиксируете ее в этой точке, она уже добралась до следующей точки «В». Если она жива. – Нестор неспешно пошел в глубь рядов, продолжая говорить. Манера эстрадных певцов. Но они собирают букеты, а он – только любовную энергию. – А жива она, *vita nostra*, по определению. Всегда. Вдумаемся в простые слова: «Человек хочет жить». Что они, собственно, означают? Не просто существование белковых тел, не элементарные функции дыхания, кровообращения... Хотеть жить – это желание занять множество новых точек пространства и времени. Восполнять, дополнять себя тем, чем мы сами не обладаем. Допустим, я люблю Лолу...

Сказано было нейтрально. Произнесено с той же интонацией, с какой чуть раньше говорилось: «Допустим, я встал с этого стула». Но лектор помедлил возле Лелиного кресла. Задержался на долю секунды, незаметную для других. И очень явную для нее. Она заалела и как будто вознеслась.

Василий почти физически ощутил, что ее нет рядом. Он испуганно развернулся и схватил Лелину руку.

Она никак не отреагировала.

Она не заметила.

Она была не с ним.

А Нестор уже отсоединился от Лели. Вернулся в первый ряд и, глядя на немолодую мым-ристую тетку-щепку, ревновать к которой никому не придет в голову, продолжил:

– Люблю существо, наделенное некими качествами и в силу этих качеств пробудившее во мне любовное стремление. Так? Вроде бы так. А на самом деле мое стремление продуцируется расширительной силой жизни. Расширительная сила жизни! Вот оно, то самое заветное пространство, где уместно начать мыслить. Спрашиваю себя: ты любишь Лолу потому, что у нее голубые глаза, или ты любишь ее потому, что ты расширяешься во вселенной? От ответа зависит многое. Линия жизни сдвинется – пусть на градус, на минуту, на секунду, но бесповоротно. Так-то. – Нестор подпитал зал своим взглядом. Каждому, кажется, в глаза посмотрел, даже и Василию. Помолчал и продолжил: – Уловим существенное различие. Лола любимой потому, что у нее голубые глаза, и потому, что она верх совершенства – это представление. Реальность же – причем та, которая скажет решающее слово в моей судьбе и начертает контур наших дальнейших взаимоотношений, – это нечто другое.

Ну, это уже просто хамство, успокоился Василий.

Лелины серо-зеленые глаза может назвать голубыми только дальтоник. Или тот, кому все равно.

Для этого пророка Леля – не верх совершенства. А для меня – верх! И она это ценит. Не может не ценить. Отряхнет морок и опомнится. Леля – умная.

А, не буду больше слушать этого краснобая!

Оглядывая ряды, Василий колосился о потаенное женское отчаяние – одинокое, беспросветное. Бедняжки... Одеты-причесаны не абы как – старательно. Нет-нет и сверкнет бриллиантик в ухе, высвобожденном от волос, или на шее, удлинненной глубоко расстегнутой кофтой. Брови выщипаны как надо, ресницы удлинены специальной тушью... Как невидимым покрывалом, соседки окутаны запахом неприторных духов. Смешиваясь с едва слышным ароматом чистых, непотных тел, он не отталкивает, а притягивает. Столько вкуса и труда. Напрасного... Никак же не замаскируешь ищущий взгляд.

Слева через проход торчит высокая брюнетка. Челка, аккуратная короткая стрижка... Слишком аккуратная... Парик, что ли? Напаялила дымчатые очки, так сжатые губы выдают ее беспокойство, нервозность. Длинные тонкие пальцы по подлокотнику постукивают – суетятся. Не тянется к лектору. Чужачка...

Василий не углядел ни одного лица, подрумяненного публичной известностью. Вначале несколько пар глаз готовы были ухватиться и за него (тоже мне, нашли соломинку...), но уже через четверть часа силовые линии почти осязаемо стали перестраиваться, соединяя слушательниц чувством сопричастности...

Нестор заканчивает, и дамы торопятся на сцену, обступают своего героя. Лишь брюнетка осталась на месте, а когда проход освободился, резко поднимается и энергично топает к выходу. Одна. Спина прямая, шаг от бедра, задница на выразительном отлете. Скорее гневается, чем обижается. Был бы Василий один...

Но...

Леля хватает его за рукав – мол, надо попрощаться с гуру.

Подходят к Нестору с тыла. Он окружен дамами с еще не врученными цветами. Ценой букета устаиваются аудиенции?

Гуру оборачивается. Встретившись глазами с Василием, кивает ему – познакомился-поздоровался, и через плечо, негромко: «Подождите, вместе пойдем». Контролирует ситуацию...

Окормив метафизической харизмой всех и каждого, растворив толпящихся в своей вкрадчивой ауре, маг разворачивается. Несуетливо огибает сухопарую тетку, которая забрала

с кафедры единственный разрешенный диктофон, – не споткнулся о ее ждущий, ревнивый взгляд – и передает Леле все целлофановые кульки с навороченными букетами. Одаривая? Скорее – освобождая руки.

Соглашается не вызывать свою машину. Открывает переднюю дверцу «бумера», на котором ездит Василий, садится справа от шофера. Правой рукой по-хозяйски, а не по-гостевому подкручивает винт, чтобы отодвинуть сиденье назад, и вытягивает длинные ноги. Лелю там, на галерке чуть не прищемил.

Соглашается выпить в ресторанчике неподалеку от своего дома, соглашается со всем, что изредка говорит пьющий только воду Василий, и не поощряет румяную разболтавшуюся Лелю... Вроде как мужская солидарность.

Расставаясь, Нестор предлагает в неопределенном будущем повторить такую встречу – он, мол, приглашает. Так что ревность Василия ничем не подпитывается.

Но в вареве их семейной жизни завелась плесень тревоги... Василий несколько раз снимал отравляющую пленку – вызывая жену на откровенный разговор, доказывал на ее же языке, что она нарушает заповедь. Нет, не седьмую, а вторую.

Не делай себе кумира...

По ее глазам видел: понимает. Даже соглашается.

Но, черт возьми, как это у них, у женщин, трезвые мысли капсулируются в голове и нисколько не влияют на эмоции.

Нисколько...

Все это было. Уже прошло. А сейчас, перед запертой дверью в собственное жилище, на него находит ступор. Связку все же нашаривает в портфеле, так теперь замок никак не поддается.

Василий нервно тыкает в скважину ключ. Не сразу соображает, что не тот. Выбирая нужный, топчется, наступает на букет, и только хруст раздавленных стеблей приводит его в чувство.

Как в омут, ныряет он в темень квартиры.

На половичке не белеет спасительный островок – записки нет...

И телефон уже замолк, не оставив никаких улик: уходя, Леля забыла включить автоответчик.

Потянувшись к выключателю над зеркалом, Василий нечаянно толкает коленом этажерку. Глухой стук. На пол упала деревянная расческа. Наклоняется – поднять, и видит длинный светлый волос, вырванный неострыми зубьями.

Лелин волос...

5

В это же самое время молодой старлей в дежурке районного ОВД считает минуты, оставшиеся до отпуска. У него уже начал вырабатываться желудочный сок: общежитие в десяти минутах езды на отремонтированной «девятке», а там...

Да он прямо видит, как закипает вода для пельмешек. Не покупных – его благоверная сама их налепила.

Там – запотелая бутылка: «Путинку» он еще утром предусмотрительно поставил в холодильник.

Там – последняя банка рыжиков...

Завтра спозаранку погрузимся и – в родненькое Бекасово. Если пофартит с погодой, то закатаем батарею свежих засолок. А нет – у матери по сусекам поскребем.

В девятнадцать ноль две, когда поступает вызов, старлей формально уже в отпуске. Формально... Не может он уйти, не сдав дежурство. Обещали квартиру дать. К рождению сына. Ну, или в конце года, пусть и только что начавшегося... Нельзя ему нарушать!

Черт, сменщик, московский разгильдяй, как всегда, опаздывает. Ему что, он тут ненадолго – пристроили родичи, чтобы не болтался перед поступлением в академию. Мобильник новичка, естественно, отключен. Записку бы оставить...

Старлей вырывает листок из блокнота и сосредоточивается. Первые слова катятся как по маслу: «Авария на пересечении Беломорской и Ленинградского шоссе...» А что дальше?

Он слизывает капельку пота, выступившую над верхней губой, и представляет, как напарник обсмеивает каждую фразу. Любую... В телевизор ему надо, раз такой остроумный!

И, скомкав листок, страж порядка сует его себе в карман, отмечается у дежурного и убывает на происшествие. Остывшие пельмени можно поджарить, тоже вкусно.

А меньше чем через час он уже выбирает слова, чтобы не напугать беременную жену. Со вкусом поедает поджаристые пельмешки, описывая погибшую блондинку.

Дамочка, наверное, недавно села за руль. Иначе бы не выехала без документов и не вляпалась в «Газель». Простой случай... Спешат они все куда-то! Без сумки, без мобильного эта фря выскочила из дома. По машине как-нибудь опознают. Не его забота...

Старуха местная, правда, что-то прошамкала насчет мотоциклиста в коже и в шлеме, который подрезал «букашку». Держит карга за рукав и бормочет: «Не человек, а дьявол!» Но он кино смотрит – научен, как с такими управляться. Раскрыл блокнот и строго так: «Ваша фамилия? Адрес?» Свидетельница приткая оказалась: дулю ему под нос и шмыг в толпу.

Сама как черт.

Да мало ли что костлявая придумает...

6

Уже на следующий день Вера пожалела, что прилетела в Москву.

Чем муторнее было у нее на душе, тем сильнее раздвигала она губы. Следила, чтобы копящаяся злость не выплеснулась наружу и не смахнула так нужную ей сейчас американскую улыбку. Пришлось изображать радость. Как иначе просигнализировать тем, кто пришел на вернисаж, что у нее все в полном порядке.

Порядок...

Галерейщица хренова!

С каталогом прошляпила, об оплате дороги даже не заикнулась, а нольдебургский грант весь заглотила – не подавилась.

Ни одного сотрудника не обеспечила...

Рамок для картин не хватило. Геру сгоняла в магазин – до Цветного бульвара двадцать минут, на метро с пересадкой – полчаса. В одну сторону.

Когда он к ночи припер деревяшки нужного размера, Вера сама степлером натягивала холсты на подрамники. Потом дрель, пыль – в бетонную стену пришлось прибивать гвоздями фанерные подошвы, на которых наследили ее авангардные цайтструктуры...

Развеска в незнакомом помещении – это же так трудно.

Обычно Вера недели за две осматривала зал – и в Париж специально Густав возил ее, и в Варшаву, и в Цюрих. Надо же почувствовать пространство, освоить его, прежде чем вживлять в него свои детища.

Черт, столько сил разбазарила здесь на физическую работу!

Поужинали тут же, в подвальном кафе. Цены... О них лучше не думать. Переведешь рубли на евро, и самым элементарным салатом подавишься.

На сон времени не выкроилось, хорошо хоть, успела принять душ, пусть и холодный: плановое отключение горячей воды. Пришлось вспомнить здешние порядки. Все тут осталось по-советски. Поселили их в том же доме, в мансарде.

Шесть часов вечера, а народу – никого... Не считать же однокурсницу сына, страшненькую Софу с восторженной мамашей-танцоркой. В углу жметесь отец Геры с ужас как постаревшей женой.

И я?! И я старая?

Вера взбежала под крышу, чтобы принести им всем подарки...

Подарки... Именно сейчас потребовалось взглянуть на себя в зеркало и убедиться: она-то не меняется.

Что хотела, то и увидела. Как будто разглядывала свое фото двадцатилетней давности. Желание первенствовать чуть подретушировало реальность, но не кардинально же. Неглубокие морщинки на лбу имеют две степени защиты: челку и беретку, надвинутую на правую бровь. Помада цвета спелой брусники отвлекает внимание от едва заметных носогубных складок, которые у Алексеевой жены – кстати, ровесницы – смотрятся как щипцы, схватившие лицо.

Вера успокаивается. Спускается в зал. Сходит с небес на землю.

Увы, ее равновесие тут же шуганули. У галерейщицы через два часа самолет – в Ниццу летит, там без нее никак. «Да не волнуйся, Веруш, мы сейчас торжественную часть проведем, а народ будет. Богема, она всегда, блин, опаздывает».

Но первыми явились юркие такие бабки и дедки. Не без внешнего эстетизма. Одна в выцветшей соломенной шляпе с пластмассовыми вишенками, другая в сношенных замшевых туфлях цвета электрик, предполагающего наличие в гардеробе обуви всех оттенков, что вряд ли... Подпоясанная таким же ремешком. Еще прямо-таки лубочный дед с окладистой седой бородой в льняной косоворотке навыпуск...

Вадим воскрес? Вырядился для смеху? – промелькнуло у Веры, но она быстро прогнала отвлекающее воспоминание.

Незнакомые старики честно прошлись вдоль стен, бросая непонимающие, но хотя бы не осуждающие взгляды на полотна. Отработали и равномерно распределились по периметру большого стола с обычным вернисажевским угощением: чипсы, крекеры, недорогие орешки и несколько пакетов с соками и холодным белым вином. Что смогли – схрумкали-сшамкали. Под недолгие приветственные речи кое-что ловко запихнули кто в ридикюль, потертый до потери цвета, кто в холщовую сумку, а кто и пластиковый пакет достал из кармана. Видела Вера такое и в Гренобле, и в Ганновере. Старость везде одинаково сообразительна...

Вскоре народу и правда прибавляется, но каждый все еще на виду.

В дальнем зале возле самой многолюдной картины, сложенной из сотни квадратов с международными лицами Вериных знакомых и Геркиной насупленной рожицей, маячит тонкая высокая фигурка. Свободный пшеничный пиджак, васильковый шейный платок с ярко-красной искрой и зеленая бейсболка, надвинутая на глаза. С пониманием смотрит: Вера чувствует нити, которые тянутся от ее полотна к незнакомцу. Или незнакомке? Пластика позы – женская, одежда... пожалуй, мужская. А сочетание красного с зеленым и бежевым – смелое, эстетское... Наш брат художник?

– Вам нравится? – на правах хозяйки спрашивает Вера.

Неопознанная фигура, не поворачивая лица, сиплым голосом шепчет «да» и юрк в сторону. Странно...

– Ты бы хоть по мылу нас известила! – подлетает Сашка. Приятель из прошлой жизни. – Мы же совершенно случайно узнали, что ты приехала.

– По мылу?... – громко переспрашивает Вера, обнимая коренастого длинноволосого крепыша в серой хламиде.

Сашка сам назвался другом после того, как она тиснула несколько статей про его пышнотелых безголовых ню, распластанных на полотнах как освежаванные туши. Вроде как раздетая кустодиевская купчиха на голландском натюрморте. Тогда это казалось и смелым, и концептуальным. Фронда какая-никакая. В те времена Вера напечатала рецензии, когда сама отчаялась пробиться со своими картинами и попробовала раздвоиться на художника и искусствоведа.

– Кес ке се – «по мылу»? – не без кокетства повторяет Вера.

Зарумянилась. Мол, не знаю я ваших новшеств.

Ей, как многим уехавшим, казалось, что в Москве жизнь законсервировалась. Хотелось, чтобы так и осталось, как было в советские годы: из села все в город стремятся, из областного центра – в столицу, и любая заграница лучше, чем Россия. То есть свысока говорила с неуехавшими.

– Ну, мать... – Художник картинно разводит руки, высвобождаясь таким образом из объятий. Верина худоба для него явно неаппетитна. – Совсем от жизни отстала в своей провинции. Может, еще и не знаешь, с какого бока подходить к компьютеру?

– Так я же давала галерейщице все ваши адреса... – Вера покрывается быстрым румянцем.

Рассвирепела, но тут же одернула себя. Нельзя гнев обнаруживать. Даже если Сашка поймет, что он тут ни при чем, осадок у него останется. Все мы люди личные. Всё на свой счет принимаем.

Сама виновата. Надо было продублировать приглашения. Но и себя поздно ругать за то, что не сделала рутинную работу. Перед каждой выставкой рассылала обычно до сотни зазывалок всем, чьи адреса могла разыскать. Независимо от личного знакомства. Но то в чужой Европе. А в родной Москве... Где-то в глубине была спесивая надежда, что и без ее собственных усилий должны все узнать о выставке и явиться сюда...

Глупо...

Галерейщица никого не известила... Дрянная баба! Вот почему и прессы нет, и художников так мало...

Большое отчаяние обычно скрывается за экзальтированными восторгами. Вера начинает кидаться на каждого вновь появившегося. Неумеренно благодарить за то, что пришел, расспрашивать про жизнь, не замечая, что путает бывших и нынешних жен, у бездетных интересуется учебой и судьбой несуществующих отпрысков, задает вопросы и не слушает ответов...

Натыкается на невысокого блондина. Хорошо подстриженный и хорошо обутый господин в синей куртке с крокодильчиком. Напрягает память. Но нет, абсолютно незнаком. Странно. От него совсем не пахнет амбициозным искусством, и на журналиста не похож... Возможный спонсор? И это нет – отшатнулся от нее и одиноко забился в угол. Между «Голубым иконостасом», законченным в ночь перед вылетом, и инсталляцией «Путь» шестого года.

Что же он тут делает? Как будто ищет кого-то...

Кто он?

– Привет, Вера... Хочешь, сведу тебя с милым корреспондентом радио «Культура»? – слышит она со спины неторопливый баритон.

Резко оборачивается. Нестик с бабой.

Черт, кто она ему? Вцепляется взглядом. Коренастая, бесформенная клуша. Редкие седые волосики неопрятно торчат во все стороны... Из тех, кто в старости держится за работу крепче, чем иные в молодости – за мужика. Сутулая, коротконогая. Широкая коричневая юбка позапрошлогодней моды, а сверху – майка цвета выгоревшего на солнце василька и синтетический платочек на шее. Желтый. Сочетание холодного и теплых оттенков так же нестерпимо, как скрежет железа по стеклу...

– Где тут можно уединиться? – Нестор помолчал, явно наслаждаясь Вериной ревностью. Улыбнулся и приобнял васильковые плечи: – Я здесь назначил встречу Светочке. А она, пока меня ждала, заинтересовалась картинами. – Нестор подмигнул Вере, мол, без меня не обошлось. – У тебя тоже хочет взять интервью.

Господи, хоть что-то... Хоть какой-то пиар.

Спасибо, дорогой...

Злость сработала вхолостую. Суровый приговор замухрышке мгновенно отменен, Вера уже готова опекать несчастную, помогать ей...

Но это потом, а пока она обнимает журналистку за то место, где должна быть талия, и тащит ее с Нестором под крышу, в свою комнату. Мгновенно наводит там порядок – сдергивает с кресла пропыленные брюки и тишотку, порванную в рабочем раже.

– Чаю? – бросает в пространство и, не дождавшись хотя бы кивка, хватается электрический чайник, с ним – в ванную, набирает воду, возвращается в комнату, дожидается, пока он закипит, заливает плюющим кипятком два пакетика и выскакивает, чтобы не мешать.

Спускаясь по лестнице, замедляет шаг и в выставочную залу входит, wpłyвает степенно, не без самодовольства оглядывая свои временные владения.

Черт, опять этот блондин... Неприятно все же, что молодой мужчина отворачивается от нее... Чары уже не действуют?

7

Но Василий не был разочарован. Во всяком случае, не Верой. Он ее не знал и знать не собирался.

Василий сердился. На себя. За то, что упустил Нестора из вида. Хотя... Не из-за того же этот хлыщ остался наверху со странной дамочкой, чтобы смыться по крышам... Надо дожидаться – он вернется...

Зачем ждать? Никакого плана действий в голове не было. Надо – и все...

Бессилие накрыло Василия с головой, так надавило, что ноги с трудом сдерживали тяжесть тела и горя. Сесть бы...

Он оглядывается. Единственная лавка стоит в смежной зале, но оттуда совсем не виден вход...

Как вынести это ожидание?

Взгляд натывается на высокую башню, на манер детских кубиков составленную из картонных ящиков. Каждая грань сплошь покрыта тонкими штрихами, радиально расходящимися от середины к краям. Получились разноцветные солнца – синие, зеленые, пшеничные, красные... Их лучи нейтрализуют гнев, гасят отчаяние, которое завладело, потопило Василия этой ночью.

Леля все не возвращалась и не возвращалась.

Дом как будто был начинен ею. Чтобы не взорваться от ужаса, от предчувствия самого страшного, пришлось обезвреживать кресло, в котором валялись спицы с ее вязанием. Убрал с глаз долой то, что слишком кололо глаза.

Как флаг, обещающий перемирие, на кровати раскинулись белые шерстяные рейтузы. Весной и осенью отопление всегда отключают по графику, никак не согласованному с природным своеволием. И хотя на улице уже потеплело, в их бетонной коробке обосновался холод. Не уходил, держался, как в хорошем холодильнике. Леля мерзла...

И Василий как будто закоченел. Вдруг все чувства пропали. В сомнамбулическом бреду набирал и набирал длинные номера по записной книжке, потом перешел на короткие и страшные. Ноль один, ноль два...

Там – ничего. Ноль информации.

Организм подал сигнал о неудобстве, и ноги сами пошли в нужное место.

Василий положил трубку на пол возле унитаза, расстегнул брюки и вздрогнул от громкого щелчка.

– Аллё! – судорожно крикнул он в трубку, но та не ответила, продолжала звонить. А, забыл нажать зеленую кнопку. Ткнул пальцем наугад. Телефон замолчал.

Василий замер со спущенными штанами, не решаясь делать то, за чем сюда пришел.

Почти сразу перезвонили. Мужской голос с елейно-участливой интонацией говорил как по писаному:

– Мы окажем помощь в организации проведения похорон, поможем организовать панихиду в лучших траурных залах, отпевание в любом храме, в том числе и в храме Христа Спасителя, поминальную трапезу в любом районе Москвы. Наши консультанты в кратчайшие сроки помогут вам связаться со всеми необходимыми ритуальными службами и организациями, занятыми в сфере похоронных услуг. Обеспечат точной и исчерпывающей информацией о качестве и ценах на ритуальные услуги...

Громкая струя забила в унитаз. Не заглушила официальный текст, не помешала говорившему.

По имейлу пришлют вопросник.

Василий нажал на рычаг. Водопад. Но и ему не смыть дошедший наконец до ума смысл известия.

Может, ошибка?

Откуда они узнали?

Агент терпеливо уверил, что они пользуются надежными источниками. И в обмен на согласие сотрудничать именно с его агентством описал аварию, дал адрес морга, в котором утром будет официальное опознание, назначил дату похорон.

Лели больше нет... Как это?

Опыт был. Мама не проснулась восьмого октября восемьдесят восьмого. Отец впал в прострацию, и первокурсник Василий трое суток постигал особенности ухода из жизни в советскую эпоху. Чтобы добиться нужного результата – подхоронить маму к ее родителям на Трокуровском, – ему пришлось заморозить свое горе. А когда на поминках оно оттаяло, уже потеряло часть своей разрушительной силы.

Теперь же никаких хлопот. От родственника покойной потребовалось только ответить на множество ритуальных вопросов, выбрать в Лелином шкафу лучшую одежду для ее последнего выхода в свет и дожидаться послезавтрашних похорон.

Ждать...

Только не бездействие.

Судорожные ночные звонки не могли, конечно, спасти Лелю, но зато получилось восстановить последний час ее жизни...

Какая-то стерва из этих, окормленных Нестором, настучала бедняжке, что у их общего гуру появилась новая приближенная. Настолько близкая, что он возил ее в Черногорию, на паломничество христиан экуменического толка. И что через час они возвращаются. Якобы вдвоем.

Как же Лелька рвалась на ту гору... Бедная моя, бедная Лелечка... Нестор не взял ее с собой ни в одну поездку. Никуда. А без его одобрения... Не решилась даже присоединиться к общей группе.

А я-то сам? Не было б проклятой «букашки», Леля не смогла бы помчаться в Шереметьево... Подарил жене гильотину.

Винить только себя – прямая дорога к самоубийству. Инстинкт самосохранения сработал, и весь копящийся гнев Василий направил на Нестора. Он, он в ответе за ту, которую приручил...

Чудом узнал, где сейчас же найти негодя. Включил радио, чтобы не оставаться наедине с таким депрессивным человеком – и отчаявшимся, и злобным одновременно. С самим собой.

«В следующем часе вы услышите интервью с известным гуманитарием, специалистом по духовным практикам Нестором, который редко снисходит до средств массовой информации. Наш корреспондент договорился встретиться с ним на выставке Веры Васильчиковой в галерее «Ривендж». Вскоре мы узнаем, удалось ли...»

И вот теперь опять ждать...

8

Конечно, Нестор еще с порога заметил знакомую блондинистую голову на сутуловатых плечах. Тогда, в ресторане понял, что осанка Лелиного мужа деформирована скорее пренебрежением к физической стороне бытия, чем постепенной сдачей властных позиций.

Власть... Над чем? Над кем?

Не важно, как там у Василия с карьерой, но гораздо существеннее то, что человек сам рулит своей жизнью.

Непризрачная, неотменяемая власть...

Острый глаз опытного охотника за всеми сюрпризами, преподносимыми как конкретными людьми, так и абстрактной судьбой, всегда помогал Нестору схватить суть того, что происходит вокруг.

Перед тем как войти в Атлантический океан возле своего дома-дачи, он всегда смотрел расписание приливов-отливов, босой ногой пробовал температуру, оценивал высоту и силу волны.

Людское сборище, от двух и больше – тоже стихия, в которой можно и нужно правильно себя вести. Действовать результативно для своих жизненных целей. Самому следить за накалом страстей, управлять ими. Поэтому он и отказывался от телохранителей, сколько их ни навязывало ему заботливое окружение.

Помощнички... Лучше бы сами поменьше болтали! Кто-то же растрепал, где он сегодня будет...

Подумал так и усмехнулся: бесплодный ход мысли. Вيني самого себя. Сам еще можешь поднапрячься и учесть ошибку, а люди... Их трудно, даже невозможно контролировать. Особенно тех, кто предан до самозабвения.

Ладно, об охране надо хотя бы подумать, а пока хорошо бы оттянуть столкновение. Может, охолонет вдовец... Жаль, конечно, и его, и Лелю, но я-то тут при чем?

Почти не напрягаясь, Нестор обратил в свою веру (точнее сказать – веру в себя) радиожурналистку, ответил на все вопросы, слишком ожидаемые. Заскучал. Особенно когда она отключилась от прямого эфира, расслабилась и начала исповедоваться, то есть рассказывать типичную историю невезучей дурнушки.

Подумывал, как оборвать, не обозлив...

Не поторопился и был вознагражден за терпение: в комнату вбежал Верин сын. Громко дышит после быстрого подъема на верхотуру. Извиняется: мол, мама просит узнать, когда они закончат.

– Мы уже! – Нестор с удовольствием встает с низкого кресла, соединяет клешни рук за спиной и пару раз сводит вместе лопатки, что всегда делает после сколько-нибудь продолжительного сидения. Подходит к парню, кладет ладонь на его разгоряченное предплечье – мускулы напряглись... Объединившись с ним, поворачивается к журналистке: – Светочка, пожалуйста, поговорите с Верой внизу, в естественной для художника обстановке, а мы с Герой... – Он разворачивает парня к себе лицом, смотрит ему прямо в испуганную черноту зрачка и успокаивающе улыбается: – Мы скоро к вам присоединимся...

Оттягивая свою встречу с Василием, а может быть (есть и такая вероятность), вообще ее отменяя, Нестор разговорился с Вериним сыном.

То есть, как обычно, он молчал, но это умение – равнодушно слушать – самый подходящий ключ к любому человеку. Почти автоматически пользовался им Нестор всякий раз, когда оказывался с кем-нибудь наедине. И в очень малой степени из любопытства. Ведь чаще всего открываешь чужое нутро – а там нагромождены тривиальные, неинтересные события.

Хлам...

Приходится разбирать завалы, чтобы потом самому обосноваться на чистом месте. Самые преданные адепты выходили из тех, кто исповедовался перед ним. Добровольно.

Говоря о себе, Гера сдвигается с края стула – настороженно присел на него только по просьбе Нестора, – наконец-то опирается на спинку и удобно, широко разводит ноги.

Похоже, парня ни разу никто по-настоящему не выслушал. При живых-то родителях...

А, вот в чем дело: Вера с Алексеем разъехались, когда их единственный сын пошел во второй класс. Стадия криков, битья посуды – оба совсем не заботились о том, чтобы оградить ребенка, – закончилась, когда отец хлестнул маму по щеке.

– Заспанный, я плелся в ванную – умываться. Вдруг входная дверь стала на меня надвигаться. Воры? – вскрикивает Гера и обхватывает себя руками. – Я испугался, замер на месте. Из лестничной темноты – мамино лицо. Видит меня и... Бордовый ноготь вжимается в алые губы. – Гера повторяет мизансцену. – Бантик виноватой улыбки. Не выдавай, мол... Я молчу. Но как только зашуршал ее плащ, в коридоре возникает отец. Тихо, обреченно спрашивает: «Где ты была? Я в морги звонил...» Срывается, услышав бодрое и нагло-победное: «На Никитском соловьи поют. Мы с приятелем заговорились. О моем искусстве! Я найду форму, чтобы все время быть художником».

Гера мотает головой, как будто именно его сейчас ударили, а не маму. В забытом ею куске жизни.

Пареньку и в голову не приходит, что «приятель» – это тот, перед кем он сейчас обнажается.

Ну и отлично, решает про себя Нестор. А ведь правда, было... Соловьев не помню, а ее негромкое «пение»... Совсем бесстыдное... И повлажневшую спину...

Он отворачивает лицо к окну – самодовольную мужскую улыбку сдерживать что-то не захотелось, а демонстрировать ее тут незачем. Спасибо малышу – раскрыл альбом памяти на забавной картинке.

Но Нестор мог бы и не отворачиваться – Гера все глубже и самозабвеннее погружался в свое прошлое. Причем не описывал его как более-менее объективный хроникер, а показывал с позиции ушлого материнского адвоката. Фактов в пользу Веры было маловато, так он подтасовывал оценки:

– Отец – типичный мещанин, ему бы только о здоровье, о еде-одежде заботиться, маме с ним тошно было, я понимаю... Она несколько раз брала меня с собой летом – отец доставал путевки... – Гера медлит и, чтобы снизить заслуги отца, делает негромкую, но внятную сноску: – Ему однокурсница доставала билеты. Тогда это был страшный дефицит. – И позвончившим голосом продолжает: – Мы плыли до Астрахани и обратно... Каждый день она учила меня искусству. Свет и тень, сочетание красок, композиция картины... Говорит, у меня талант есть... – Тут он замолкает и напряженно смотрит в глаза Нестору: верит ли тот?

Да разве можно застать врасплох профессионального ловца человеков?

На лице Нестора пристроена маска внимания, сочувствия и веры в каждое выслушанное слово. Маска не в расхожем смысле слова. Ничего подобного неуклюжему повторению в допотопном папье-маше форм высокого лба, небольшого носа и бледноватых щек. То точная, пластичная копия, слепленная по последнему слову психологической науки из самых современных биоматериалов. Притягивает и раскрывает неискушенного человека...

А что под ней?

Свой клубок мыслей, нисколько не оскорбительный для визави. Такое раздвоение – не ложь, не клиника. Всего лишь один из способов уйти от скуки и не погрязнуть в одиночестве, если уж тебе, как Набокову, интереснее всего беседовать с самим собой.

Если фон картины – грунтованный холст, фон романа – второй, не выговоренный автором план, то фон общительной Несторовой жизни – разговор с самим собой. Никогда не прекращающаяся беседа, неведомая посторонним. Не ведомая никому.

9

– Ребята! Что это вы! Застряли! Все – к Сашке! – Вера влетает под крышу к Нестору с Герой.

Ее дыхания хватает только на короткие словесные перебежки. Запыхалась. На бледном лице, которое совсем теряется, если надеть что-нибудь яркое (Вера таких ошибок не совершает), выступает легкий, невульгарный румянец. Пастельные краски заиграли, как от света восходящего солнца. Если б голос не звучал так громко, приказно, то вспомнились бы женщины Борисова-Мусатова. Но в пластике Веры нет и капли того отрешенного спокойствия, которое разлито в его картинах.

– Я в уборную, а вы спускайтесь! Нас ждут! – выкрикивает она уже из ванной, неплотно прикрыв за собой тонкую, звукопроницаемую дверь. – Сашка тут совсем рядом поселился. Оформляет хоромы... кого-то из ваших нуворишей!

Гера краснеет, когда начинает журчать сильная, нетерпеливая струя. Громко кашляет и – в коридор.

А Нестор медлит. Хм, бесстыдство в ней осталось... Интересно...

Спускаются медленно, гуськом.

Старший – позади, вспоминая намеченные звонки и сравнивая их более-менее предсказуемый результат с непредсказуемым божественным времяпрепровождением.

Младший забегает вперед. Он ничего не оценивает – он чувствует, что хочет быть там, где Нестор. Столько, сколько получится.

Внизу, в просторном фойе, уже притушен свет. Полутьма недвусмысленно намекает, что пора и честь знать. Пора освободить помещение.

Образовался неприкаянный беспорядок. Люди стоят кучками и поодиночке – как посуда на большом столе после попойки. Вяловато гудят, устало посматривают по сторонам.

И вдруг из темного жерла, за которым остались картины и объекты, выскакивает растрепанный бледный блондин, втискивается между Нестором и Герой, не задев ни того ни другого, и хрипло, но внятно произносит, как будто констатирует:

– Убийца.

Всем слышно.

Намечается немая сцена.

– Нестик, кто этот сумасшедший?! – орет Вера, перепрыгивая через две ступеньки. Третью не заметила.

Кожаная подошва ее туфли по инерции скользит вниз, и художница рухнула бы носом в пол, если б не Нестор. Он как раз отвернулся, чтобы не стоять на линии огня, который рвется из глаз Василия, и поэтому успевает подхватить нетяжелое падающее тело.

Все ахают, окружают потерпевшую и ее спасителя. Одно событие вытесняет, уничтожает другое. Закон жизни.

Кто и почему обозвал Нестора страшным словом – гадать не стали.

Никто даже и не заметил, как Василий выбрался из людской кучи на загазованную Сре-тенку.

10

«Да что же он делает? С ума сошел!» – сердилась на телевизор Леля, когда благородный герой сообщал злодею – вору там или убийце, – что знает о его преступлении. Василий посмеивался над киношными перипетиями и умилялся непосредственности своей взрослой жены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.